

**НАРОДНОЕ СТОЛОВЕРЧЕНИЕ
(ГОРОДСКОЙ РИТУАЛ В КРЕСТЬЯНСКОЙ СРЕДЕ)**

Светлана Юрьевна Королёва

Пермский государственный национальный исследовательский университет
15 ул. Букирева, Пермь, Россия
petel@yandex.ru

Владимир Анатольевич Коршунков

Вятский государственный университет
36 Московская ул., Киров, Россия
vla_kor@mail.ru

А н н о т а ц и я: В статье рассматривается бытование городских спиритических практик в крестьянской среде. Один из таких ритуалов — общение с духами при помощи стола, которое входит в народную культуру в качестве гадания. В результате проведенного исследования становятся очевидными механизмы фольклоризации спиритического обряда. Фигуру медиума заменяет деревенский столовёрт, воспринимаемый крестьянами в ряду магических специалистов. В ходе ритуала произносятся заговорно-заклинательные тексты, вводятся типичные для гаданий предметы. Регламентируются форма и способ изготовления стола, количество участников, время проведения обряда. Сужается круг задаваемых вопросов. Может усиливаться развлекательно-смеховое начало, типичное для коллективных святочных гаданий. Вхождение спиритических ритуалов в крестьянскую мифоритуальную традицию определяется их возможностью адаптироваться к нормам, представлениям и обрядовым практикам новой социокультурной среды.

К л ю ч е в ы е с л о в а: спиритизм, столоверчение, Святки, гадания, русская мифоритуальная традиция.

Д л я с с ы л о к: Королёва С., Коршунков В. Народное столоверчение (городской ритуал в крестьянской среде) // Антропологический форум. 2017. № 34. С. 127–155.

U R L: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/034/korolyova_korshunkov.pdf

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2017, NO. 34

**FOLK TABLE-LIFTING
(URBAN RITE IN A PEASANT COMMUNITY)**

Svetlana Korolyova

Perm State University
15 Bukirev Str., Perm, Russia
petel@yandex.ru

Vladimir Korshunkov

Vyatka State University
36 Moskovskaya Str., Kirov, Russia
vla_kor@mail.ru

A b s t r a c t: The article investigates urban spiritualistic practices in peasant communities. The main data is from archival and field research materials of the 20th — early 21st centuries describing spiritism. One of the rituals is communication with spirits using a table (tablelifting, spirit-rapping) that emerged in folk culture as fortunetelling. An analysis leads to the conclusion that there were some mechanisms of folklorization of the urban spiritualistic rite. The figure of the medium is replaced by a village “stolovjort” (tablelifting man), recognized by the peasants as one of the “magical specialists”. The objects typical for the traditional divination became part of the rite, and the ritual participants say special spell words. Form and manner of making the table, the number of participants, and the time of the rite are regulated in the village more strictly than in urban spiritual groups. The list of questions asked by peasants is more limited, while the entertaining function typical for collective holy fortune-telling may be intensified. Peasants also use special terms to denote the table-lifting. The narratives about this rite are formed according to the plot schemes of folklore mythological stories (about fulfilled divination, punishment for breaking prohibition, etc.). Peasant memories of participation in such fortune-telling were recorded in the Komi Republic, Perm, Vyatka, Arkhangelsk, Kostroma, and Rostov regions. Apparently, the penetration of spiritual rituals into the local folk tradition is determined by their ability to adapt to the norms, concepts and ritual practices to new socio-cultural environment.

Ke y w o r d s: spiritualism, table-lifting, Christmas-tides, fortune telling, Russian mythoritual tradition.

To c i t e: Korolyova S., Korshunkov V., ‘Narodnoe stoloverchenie (gorodskoy ritual v krestyanskoj srede)’ [Folk Table-Lifting (Urban Rite in a Peasant Community)], *Antropologicheskij forum*, 2017, no. 34, pp. 127–155.

U R L: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/034/korolyova_korshunkov.pdf

Светлана Королёва, Владимир Коршунков

Народное столоверчение (городской ритуал в крестьянской среде)

В статье рассматривается бытование городских спиритических практик в крестьянской среде. Один из таких ритуалов — общение с духами при помощи стола, которое входит в народную культуру в качестве гадания. В результате проведенного исследования становятся очевидными механизмы фольклоризации спиритического обряда. Фигуру медиума заменяет деревенский столовёрт, воспринимаемый крестьянами в ряду магических специалистов. В ходе ритуала произносятся заговорно-заклинательные тексты, вводятся типичные для гаданий предметы. Регламентируются форма и способ изготовления стола, количество участников, время проведения обряда. Сужается круг задаваемых вопросов. Может усиливаться развлекательно-смеховое начало, типичное для коллективных святочных гаданий. Вхождение спиритических ритуалов в крестьянскую мифоритуальную традицию определяется их возможностью адаптироваться к нормам, представлениям и обрядовым практикам новой социокультурной среды.

Ключевые слова: спиритизм, столоверчение, Святки, гадания, русская мифоритуальная традиция.

Поводом для статьи послужила архивная находка — описание вятского гадания с помощью стола, содержащее любопытные подробности. Когда сходные случаи обнаружались на других территориях, нам показалось интересным не только как можно полнее представить материал, но и выявить способы адаптации городского ритуала (первоначально связанного с оккультизмом и спиритическими практиками) к системе традиционной народной культуры.

Столоверчение в работах современных исследователей рассматривается обычно в широком контексте — в связи с трансформацией христианской религиозности и увлечением спиритизмом, характерным для образованных сословий в XIX — начале XX в. Одним из наиболее разработанных сегодня аспектов является отношение этой культурной практики к русскому литературному быту и художественному творчеству (см., например: [Богомолов 2000; Виноцкий 2005; 2009]). Известно, что в городах некоторые спиритические техники бытуют до сих пор, пусть и в трансформированном виде [Адоньева 2001: 67–69]¹. Что касается

Светлана Юрьевна Королёва
Пермский государственный
национальный
исследовательский
университет,
Пермь
petel@yandex.ru

Владимир Анатольевич Коршунков
Вятский государственный
университет,
Киров
vla_kor@mail.ru

¹ К числу городских ритуалов, «спустившихся» в школьную субкультуру, можно, по-видимому, отнести популярные в 1970–1980-х гг. «вызывания» (чертика, Пиковой дамы, Пушкина и др.), отражающие влияние спиритического общения с духами и использующие приемы традиционных гаданий (вопрос о генезисе «вызываний» остается, впрочем, дискуссионным, см.: [Топорков 1998: 22; Панченко 2006: 129]); из города детский ритуал приходит в деревню, состав персонажей со временем обновляется [Соловьёва].

спиритических гаданий в крестьянской культуре, тема эта еще ждет своего исследователя. В числе немногих публикаций укажем этнографический очерк В.И. Смирнова о костромских гаданиях, где автором выделен раздел «Гаданья спиритические» [Смирнов 1927: 28, 72], а также работу А.А. Панченко, в приложении к которой приводятся фольклорные тексты о гадании с помощью блюда и вызванного духа [Панченко 2006: 126–127].

Описания подобных ритуалов имеются во многих фольклорно-этнографических архивах, но, как правило, эти записи единичны. В силу сравнительно позднего городского происхождения такие обряды не привлекали большого внимания собирателей, поэтому фиксировались скорее случайно — в ответ на вопрос о «знающих» людях, традиционных святочных гаданиях и т.п. Показателен комментарий В.И. Смирнова, называющего столоверчение «довольно обычным приемом» и отмечающего «быстроту заимствований деревней подобного рода городских новинок», при этом в составленной им подборке интересующее нас гадание упоминается лишь в двух (!) из 556 текстов [Смирнов 1927: 28, 72]. Сегодня такие записи, по-прежнему очень немногочисленные, включаются в сборники регионального фольклора; те, что удалось обнаружить, пополнили материал нашего исследования.

Предварительно можно говорить о том, что из спиритического арсенала XIX в. в крестьянскую культуру в качестве гадания пришли два основных типа обряда. Первый — когда стол «самопроизвольно» приподнимается или стучит ножками в пол, а гадающие судят об ответе на свои вопросы по количеству таких подъемов или ударов. Во втором случае гадают с помощью вращающегося на столе блюда, а также написанных по кругу букв и чисел, из последовательного указания на которые и складывается ответ. Оба типа спиритического ритуала в различных источниках называются словом «столоверчение» (хотя, строго говоря, в первом случае стол не вертится, а приподнимается с одной стороны; во втором он вообще остается неподвижным, вращается лишь блюдо и / или другой предмет-указатель)¹. В нашей статье речь пойдет преимущественно о первом типе гадающего обряда.

¹ Классифицируя костромской материал, В.И. Смирнов включает в число спиритических гаданий ритуалы, осуществляемые с помощью подвешенного предмета [Смирнов 1927: 72, № 487, 489–492]. Вряд ли с таким подходом можно согласиться, поскольку нет данных, доказывающих, что генетически эта техника связана с городским спиритизмом середины XIX в. Напротив, гадания подобного типа широко известны в различных этнических традициях, не только славянских, но и финно-пермских. Ярким примером может служить коми-пермяцкий обряд *черешлан* ('говорящий топор'), связанный с почитанием христианских святых и умерших предков (подробнее об обряде и источниках см.: [Королёва 2014: 120–124]).

Варианты гадания из Кировской области, Пермского края, Республики Коми

Упомянутый в начале статьи архивный текст хранится в библиотеке Кировского областного краеведческого музея, в фольклорном фонде И.А. Мохирева¹. Этот фонд составляют записи, сделанные фольклорной экспедицией КГПИ под руководством ученого в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Небольшому тексту «Гадание столом» предшествует надпись «К.С. Пономарёв», по-видимому, это самозапись гадания, сделанная носителем традиции. Указания на место проведения обряда и время записи отсутствуют. В какой-то мере их можно восстановить по двум другим материалам, тоже приписанным К.С. Пономарёву². Один текст озаглавлен «Игры и песни, танцы молодежи, петье и проводимые в селах и деревнях в дореволюционный период. Записаны из наблюдений в 1910—12 гг. Редькинская и Сосновская волости Слободского уезда», другой — «Песни-кадрили» (с подписью: «Записал К.С. Пономарёв в Слободском уезде»). Эти материалы косвенно указывают, что «гадание столом» могло быть известно Пономарёву еще с дореволюционного времени³. Песни и танцы информант наблюдал не в самом Слободском, который был тогда довольно большим городом, а в сельской местности. Там же он мог видеть и гадание (в записи есть указание на крестьянский характер этого ритуала). Приведем текст с описанием обряда целиком⁴.

«В нашей Вятской губернии среди крестьян были распространены разные виды гадания, особенно в рождественские праздники.

С одним из видов гаданий со столом я здесь познакомлю.

Стол не должен иметь ни одного железного гвоздя, должен быть весь деревянным. Гадающие, пять человек, садятся за стол на лавку или скамейку в ряд. Заговаривающий пятый садится справа. Садятся без смеха. Ложат ладонями руки на стол. Заговаривающий ложит ладонь левой руки, а правой, нахло-

¹ Иван Александрович Мохирев (1908–1986) — выходец из крестьянской семьи, проживавшей в д. Ждановцы Вятского уезда (ныне — Зуевского района Кировской области). Был заведующим кафедрой литературы и деканом филологического факультета КГПИ [Энциклопедия земли Вятской 1996: 294], занимался изучением фольклора, руководил фольклорной практикой студентов, выступил составителем двух сборников вятского фольклора [Мохирев, Харьков, Браз 1966; Вятские песни, сказки, легенды 1974].

² Записи сделаны почерком И.А. Мохирева, возможно, переписаны с какого-то оригинала.

³ К.С. Пономарёв записывал фольклорно-этнографические сведения и позже. Об этом свидетельствует его письмо к И.А. Мохиреву от 8 октября 1957 г., в котором информант выражает надежду, что посылаемые им загадки и песни смогут пригодиться для сборника [КОКМ. Фольклорный фонд Мохирева. Папка 24].

⁴ Грамматические и стилистические особенности источника сохранены, орфография и пунктуация для удобства читателя приведены к литературной норме.

нившись, шепоткой берет перечень¹ между ножками стола и шепотком три раза произносит заговор:

Сядятся рабы божьи за стол,
Кладут руки на стол.
Руки кровью согреваются,
Росою покрываются.

Как Илья пророк ходил по земле,
Так и ты ходи.
Как Илья пророк кверху поднимался,
Так и ты поднимайсь.

После заговора заговаривающий ладонь правой руки ложит на стол и пробует силу заговора. Командует столу: “Стань на задние ноги три раза”. Если стол три раза встанет и ударит-стукнет в пол три раза, после этого приступают к гаданию, кому о чем надо, при помощи стука» [КОКМ. Фольклорный фонд Мохирева. Папка 17. Текст № 3].

В традиционной русской избе, какой мы ее знаем по материалам XIX в., обеденный стол был один; постепенно преобладающим его местоположением стал красный угол [Топорков 2012: 166; Кабакова 2015: 100]. Характерной особенностью стола была широкая столешница и более узкое, но массивное подстолье (с 1–2 выдвигаемыми ящиками), низкие ножки тоже были массивными [Станюкович 1970: 76]. Учитывая типичную конфигурацию этого предмета, а также строгость и устойчивость связанных с ним правил народного этикета, надо думать, что вряд ли в описанном гадании использовался подобный стол². На рубеже XIX–XX вв. в деревнях вслед за городами стали модными более легкие и уже не столь громоздкие столы разной формы. Подобные изделия, привезенные из города или сработанные на месте по городскому образцу, более годились для предсказания судьбы стуком.

В записи К.С. Пономарёва описана лишь начальная ситуация, предшествовавшая гадальной процедуре; вопросы собравшихся людей и полученные ответы опущены. Очевидно, для автора текста гадание с помощью стола представлялось вполне понят-

¹ *Перечень* — в вятских и других русских народных говорах обозначение самых разных, обычно поперечных, деревянных креплений-брусьев, перекладин (в бороне, сохе, санях, ткацком станке, оконной раме и т.п.) [СРНГ 1991: 272; ОСВГ 2012: 248]. В записи К.С. Пономарёва это перекладина, которой соединяются ножки стола для прочности; ср. отмеченную на Пинеге уменьшительно-ласкательную форму *переченька* ‘поперечная перекладина между ножками стола’ [СРНГ 1991: 273].

² Об основных правилах традиционного застольного этикета см.: [Байбурин, Топорков 1990: 133–160]. Запрещалось стучать по столу ложкой, ударять кулаком и т.п. [Мороз 2008: 41; Топорков 2012: 168; Кабакова 2015: 101], играть в игры, особенно в карты (в северорусских деревнях это делали на полу или за кухонным столом, лишенным сакрального статуса) [Морозов, Слепцова 2004: 650].

ным действием. О том, что могло происходить далее, дает представление запись, сделанная в недавнее время в соседнем с Вяткой Пермском Прикамье, в небольшой коми-пермяцкой деревне: «У нас тут тётушка Анисья жила напротив, соседка, она тоже рассказывала. <...> Её сейчас нету, переехала. А от них остался стол — деревянный, дубовый, что ли. И сделан без гвоздей. Из-за этого стола к ним раньше ходили ворожить. Сядешь, руки потрёшь ладонями, положишь, ноги на подножку поставишь, ну, и спрашиваешь, что хочешь. Спрашиваешь, например: “Сколько мне жить?” И он сам столько раз поднимается, столто этот. Мы для смеху туда ходили. Анисья сама говорила, мол, девки, есть стол, идите ворожить! Он поднимается, а мы смеёмся: что так много? Одна сторона у стола поднималась. Но это надо, чтоб без единого гвоздя стол был. Потом к ним из чужих деревень стали приходиться, и хозяин у Анисьи запретил гадать, Дмитрий Фомич его звали. Вот мы молодые были, не верили, а в деревне ведь есть теперь долгожители!»¹ [ФА ЛКиВА].

Учитывая возраст рассказчиков, можно предположить, что описанное гадание происходило в 1950-х гг. При этом между коми-пермяцким ритуалом и вятским вариантом имеется заметное сходство. В обоих случаях задействована нижняя перекладина (ее держат рукой при произнесении заговора — вят., ставят на нее ноги — перм.), ладони участников опущены на столешницу, стол отвечает на вопросы, приподнимаясь с одной стороны (и стуча ножками в пол — вят.), наконец, обязательным условием является то, что он должен быть деревянным, причем сделанным без гвоздей (о возможных причинах этого предписания будет сказано далее).

Про существование заговора, предшествующего обряду, в коми-пермяцкой записи не сообщается, однако указание на то, что перед началом гадания могли произноситься специальные слова, находим в другом тексте из Кудымкарского района: «Еще ворожили: стол ходил. Тоже соберутся женщины. Что-то на стол скажут, что-то поделают, стол заходит. Стук, стук, стук. “Ну-ко сколько я проживу?” Раз стукнет, два — ходил стол» (записано в пос. Полва с русским населением) [Бахматов и др. 2008: 168]. Упоминаются, но не приводятся такие заговорно-заклинательные слова и в других текстах («что-то говорил», «шептал» — примеры см. далее).

Еще один вариант гадания с помощью стола, бытующий и сегодня, обнаруживается в Республике Коми, с которой Вятка и Пермский край граничат на севере. Здесь в поселке город-

¹ Записала С.Ю. Королёва от Ивана Максимовича Ковыляева, 1932 г.р., и Галины Максимовны Ковыляевой, 1935 г.р., д. Егорово Кудымкарского района; экспедиция ЛКиВА ПГНИУ (рук. Е.М. Четина), 2002 г.

ского типа Жёшарт Усть-Вымского района проживает почти профессиональный столовёрт Иван Иванович Политов. В молодости он служил речным капитаном; выйдя на пенсию, сделал семейную традицию публичным занятием, стал местной знаменитостью, и теперь публикации о нем можно обнаружить на сайтах региональных СМИ. В журналистских материалах указывается, что прямоугольный самодельный стол И.И. Политова выглядит обычно, его отличает лишь отсутствие лака и железных частей: «Из потрескавшейся столешницы торчат шляпки деревянных гвоздей. На этом столе можно обедать, резать рыбу, работать, писать» [Артеев 2011]. В домашнем обиходе его называют по-коми — *пызан* ('стол'). В интервью владелец представляет стол как семейную реликвию, доставшуюся от родителей; приводится рассказ о сбывшемся предсказании, составляющий часть семейного фольклора: «Это было еще до моего рождения, в годы войны. <...> Отец был на фронте, и как-то мать решила погадать, когда же он вернется домой. Стол выстукал, что возвращение нужно ждать через девять дней. И только на исходе девятого дня, когда, казалось, уже прошли все сроки, незадолго до полуночи отец пришел» [Артеев 2011] (в газетных публикациях фигурирует и другой вариант предсказания, согласно которому отец вернулся через день [Евстифеева 2010]).

Родители И.И. Политова гадали редко, обычно в старый Новый год; в обряде участвовали родственники и соседи. Теперь наибольший наплыв посетителей приходится на Святки. Число гадающих определяется размерами стола (4–6 человек). Перед началом обряда нужно убрать металлические вещи: кольца, браслеты, ключи и др. Стол «не любит» пьяных, иногда сеанс не начинается, пока из цепи не уйдет кто-то из участников, на кого он «укажет». После того как гадающие прижимают ладони к столешнице, хозяин «будит», «оживляет» стол с помощью особого «секрета», который он формулирует в терминах эзотерики как «умение сконцентрировать внутреннюю энергию». Затем следуют «контрольные» вопросы участников (возраст, количество сестер и братьев и т.п.), на которые стол отвечает постукиванием ножек, и лишь потом начинается настоящее гадание. Вопросы задаются по очереди, их можно формулировать мысленно. Девушки обычно спрашивают о любви, времени замужества, количестве детей; мужчины интересуются результатами спортивных игр, покупкой машины или недвижимостью; студенты перед сессией узнают номер экзаменационного билета. Про дату смерти — свою или близких — хозяин стола спрашивать не рекомендует [Евстифеева 2010; Артеев 2011].

Перед тем как заняться столоверчением публично, И.И. Политов обучился в нескольких «школах экстрасенсов». Он никак

не называет «силу», помогающую гадать, считая, что это «и не сам стол, и не духи». Сеансы дополняются элементами шоу: чтобы удивить участников, хозяин ставит на поднимающуюся часть стола ведро воды, гирию, сажает ребенка (раньше ставил самовар — и при подъеме в кружку из него наливалась вода), стол «закрывает» ножкой открытый и поставленный вертикально спичечный коробок так, чтоб не раздавить его, а также «пританцовывает» под музыку, особенно под живую гармонию. Чтобы ограничить интенсивное передвижение стола, к полу прибиты специальные планки. В последние годы И.И. Политов ездит по приглашению в Сыктывкар и соседние районы, участвует в народных праздниках, куда возит изготовленный по правилам новый столик. Сеансы разрешается фотографировать и снимать на видео [Артеев 2011; Джавршян 2014].

Таким образом, современный столовёрт стал медийной персоной, а проводимый им обряд коммерциализировался и перешел в «фестивальный» формат. Использование некоторых оккультных понятий сближает И.И. Политова с экстрасенсами. В гадание с помощью стола он внес немало новшеств (добавил ряд правил для участников, расширил перечень вопросов, в которых фигурируют теперь современные реалии). Однако на фоне вятского и пермского материала становится очевидно, что усть-вымский обряд имеет вполне традиционную основу, сохранившуюся гораздо более, чем можно было бы ожидать. Возможно, это объясняется тем, что ритуал столоверчения был усвоен И.И. Политовым как часть семейной традиции, от родителей, проживавших в условиях, мало отличавшихся от сельских (поселок Жешарт в прошлом — большое старинное село).

Отдельно стоит сказать о развлекательно-смеховом начале, которое в коми варианте явно усиливается. О том, что в простонародной среде к гаданию на столе могли относиться одновременно как к развлечению, упоминает и жительница Коми-Пермяцкого округа: «Мы для смеху туда ходили». Вероятно, не без влияния столоверчения возникла особая народная забава, о которой помнят русские в Юрлинском районе Пермского края: здесь 4 человека клали ладони на углы стула и заставляли его «ходить»: «А раньше на стулике руки дёржат, дёржат, на стулике — и стулик ходит, ходит, ходит. (Это когда, в Святки, нет?) Нет, хоть когда. <...> Стулик поставят, но. На стулике дёржишь вот так руки, дёржишь. Ну. Потом тожно все четыре... все там... етта я, етта подруга, там тожо другая — и дёржишь. И стулик ходит, и будто так он ходит, ходит, ходит. Я не знаю уж. Я глядывала, што будто стулик ходит, дак поддевают, наверно, ево, где он пойдёт, стулик-от? (А это для чего так показывают? Это что было?) Ну, как сказать-то... по-русски,

по-нашему-ту... месхуёчки [так!], вот, посмеяча. (А, посмеяться?) Но!» [ФА ЛКиВА].

Материалы о столоверчении из других регионов

К числу наиболее ранних известных нам материалов о крестьянском спиритизме относятся костромские гадания 1920-х гг. Судя по ним, число участников могло регламентироваться, а движения стола бывали достаточно интенсивными: «Садятся четверо за стол, кладут на него руки, а один наговаривает. И вот начнет одна кромка стола подниматься, пойдет потом ходить по всему полу. Можно загадать, сколько лет проживешь, сколько ребят у тебя будет. Сколь выстукает, столь и будет» [Смирнов 1927: 72]. С этой же целью использовалась деревянная скамейка без железных гвоздей: «Кладут кругом на нее пальцы рук так, чтобы кругом сиденья образовалась непрерывная цепь, и задумывают что-нибудь. Скамейка должна начать стучать»². О том, исполнится ли загаданное, судили по характеру звука: «если застучит сердито — нет, если постукает спокойно — хорошо» [Смирнов 1927: 72]. Краевед и этнограф В.И. Смирнов полагал, что правило, согласно которому в столе или скамье не должно быть железных деталей, сложилось в сельской местности по аналогии с гробом, который во многих костромских деревнях не принято заколачивать железными гвоздями [Смирнов 1927: 28].

Упоминания о столоверчении встречаются в современных полевых материалах из юго-западной части России. В Ростовской области, в казачьих станицах, этот обряд называли *столаы разогревать*. Здесь тоже известен запрет на железные гвозди: «Столы разогревали. Ну стол должен быть без гвоздей, весь на деревянных этих, ну вот, руками двигают, двигают, и стол начинает это... танцевать, прыгать. Ну вот и сколько ты там будешь жить, он столько раз стукнет <...>. Вот например у меня сестер было много, они всегда гадали»³ [ПМ ДЭЭ РГУ. Папка 61. Тетрадь 12]. Другой ярко представленный в ростовских казачьих рассказах запрет — на смех; нарушивших его гадальщиков в одной из записей стол «наказывает» тем, что «уходит» на нижний этаж дома: «Есть столик на трёх ношках, круглый сто-

¹ Записала С.Ю. Королёва от Сятчихиной Александры Петровны, 1931 г.р., д. Черепанова Юрлинского района, 2015 г.

² Данный вариант — редкий случай сохранения в крестьянском гадании спиритической «цепи» (когда каждый гадающий соприкасается мизинцами с соседними участниками), в дальнейшем положение рук в простонародном ритуале меняется на более простое.

³ Записано от Трубочёвой Александры Никитичны, 1909 г.р., п. Нижний Чир Сувоикинского района Волгоградской области, 1993 г.; собиратель неизвестен. Выражаем признательность Н.А. Власкиной за предоставленные архивные материалы и другие ценные сведения о календарных гаданиях.

лик. Гадали на столлик. <...> И начили патом смияца, хто-та за-смиялся. Да он как паднялся, от начил ношками им давать. Паразбигалися хто куда. А дом был с низами и вирхами. И он па ступенькам, па ступенькам, и в низы ушол. Столик. И стал там и фсё. Но зато он кой-каму и глас набил. Так што сурьёзна нада. Атнасица к этому нада с вераю ф то, што што-та ты дабёшся. А на смех ни пиривадить»¹ [ПМ ДЭЭ РГУ].

Публикации современных исследователей свидетельствуют о бытовании столоверчения на Русском Севере. Подробный меморат о гадании был записан в 1994 г. в Каргопольском районе Архангельской области. Рассказчицу, 1922 г.р., пригласили погадать в Пасху, после того как она заявила о своем недоверии к обряду²: «“Неправда, — я говорю, — ён как-либо обморациват”. <...> Оне-то и говорят, что я не верю-то, он говорит: “Ну-ко, зовите эту женщину, ту, которая не верит-то”. <...> А я взамужем была, да не было детей. <...> Ну вот мы зашли: моя сестра и вот эта сноха-то моя...» Детали рассказа показывают, в каком направлении городской обряд адаптируется к народным представлениям и ритуалистике. Гадание не может начаться, пока за столом сидит рыжая женщина, в чем проявляется характерная для крестьянской культуры демонизация рыжеволосых людей (ср. «нелюбовь» стола к пьяным в коми варианте): «Ён никак не может, стола-то никак не может поправить. Но а эта-то, соседка-то вот была, как у меня через дом-то. А она была рыжая, у ней волосы аж такие. А ён-то знал. И ён сперва мою сестру: “Ну-ко ты выйди”. Ён не смел прямо-то сказать, что ей не понравитця. Та вышла. “Выйди в сени”. Стол всё равно не идет. А вторая — она с краю сидела <...>. “Ну-ко ты выйди!” Та вышла. <...> “А ты заходи!” Та зашла — стол пошёл». В ходе обряда распорядитель что-то шепчет в печную трубу³, после чего стол выполняет его приказания: «А вот цего ён говорил, я тожо не знаю. Ён — в трубу, вот труба вот тут открываецця — душник. Ён вот эк встанет, руки назад положит, в трубу шопцет, столу приказыват, а стол своё дело делает — колотит». Гадальщик, осуществляющий необходимые действия, встает для окружающих в ряд «знающих» людей. Об этом свидетельствует проявляющееся в нарративе уважительное к нему отношение, а также исходная ситуация: убедить недоверчивую женщину в истинности гадания значит для

¹ Записали Н.А. Власкина, С.А. Шестак от Галкиной Анны Фоковны, 1920 г.р., ст. Елизаветинская Азовского района Ростовской обл., 2003 г.

² Полную публикацию текста см. в работе: [Ипполитова, Топорков 2012: 310–311].

³ Семантика дымохода как «канала связи» с потусторонним пространством актуализируется и в других окказиональных обрядах: в печную трубу зовут потерявшегося человека, скотину; читают некоторые заговоры; заглядывают, чтобы увидеть суженого во время гадания, и т.д.

него поддержать свою репутацию магического специалиста¹: ««Топни всеми ногами!» Он [стол] всеми ногами топнет. Потом: “Ну-ко, которая вот не верит, дак ты ей пушке колоти в ноги!”<...> Ну, а я сiju вот эдак... <...> “Ну, сколько у меня детей будет?” Ведь он стукнул семь раз! Я говорю: “Ой-ой-ой-ой! <...>”. Ведь и так и вышло — две девушки мертвы умерли, да три есть, да два сына» [Ипполитова, Топорков 2012: 311].

Более явно особый статус столовёрта обнаруживается в тексте, где рассказчик ставит его в один ряд с колдуном: «Один, ну как его назвать, или колдун, или какой, я дак уж не знаю, какой, был старик тут. И как-то, как он делал, кто его знает, что у него стол сам собой ходил... И чего вот мы тут ему говорили, что он нам, вот не знаю, но только стол двигался...» (каргопол.) [Знатки, ведуны и чернокнижники 2012: 253].

В Каргопольском районе были распространены и другие варианты гадания, восходящие к спиритическим практикам, в частности с использованием блюдца: «А тут ходили столом гадали, што вот стол крутице, дак цё-то я не верила, — во, тоже дефки сидили, хохотали. Не знаю, шоптались там, ни знаю цё, и блюдицько так ездит, и руки дёржат, и...»² [АЛФ РГГУ]. Этот тип обряда и способы его фольклоризации заслуживают отдельного рассмотрения³, здесь мы укажем лишь на такие детали, которые тесно соотносятся с интересующим нас материалом.

В интервью о гаданиях на блюдце, записанных в 1998 и 2002 гг. в Новгородской области, обнаруживаются уже знакомые предписания относительно времени проведения обряда и способа изготовления стола: «Форточку открывают. Зимой. Это тоже — на старый Новый год. Круглый стол надо. Но большинство говорят, штоб не надо было... штоб гвоздей не было в этом,

¹ Ср.: в коми-пермяцкой д. Козлово Кудымкарского района в 1960-х гг. ходили гадать к старушке, которая была знахаркой: «На краю деревни старая бабушка жила, дом был старенький, еще и электричества в деревне не было <...> Столу вопросы задавали. Мы с полатай, дети, смотрели. Взрослые были внизу. Маме давали вопрос задать. Она всё про хлеб спрашивала, будет или нет. Столешницы же были не прикрепленные к нижней раме. Вот поднималась столешница. <...> А хлеб мы ели колхозный, как урожай, так и зерно выдавали. <...> Бабушка та сказала, что хлеба у нас будет в достатке для себя и для скота. <...> Эта бабушка гадала всегда, когда к ней приходили, и лечила еще, снимала мыжу [болезнь, насланную умершим за отсутствие положенного поминовения]» (записала С.Ю. Королёва от Кольчурина Николая Алексеевича, 1959 г.р., г. Кудымкар, 2017 г. [ЛА]).

² Записали А.Б. Мороз, Л.Р. Хафизова, Е.И. Александрова от Фарковой Л.А., 1932 г.р., с. Ягрема Каргопольского р-на, 2001 г. Благодарим А.Б. Мороза за возможность использовать фрагмент архивного интервью.

³ Так, одна из тенденций заключается в том, что в обряд вводятся действия и предметы, более традиционные для русских святочных гаданий: буквы пишутся на газете, а под блюдце кладется зола с кольцом (перм.) [Бахматов и др. 2008: 166]; гадая на имя жениха по буквам, девушки поджигают на блюдце бумагу и трижды произносят: «Дух, выйди!» (ростов.) [ПМ ДЭЭ РГУ]; для проведения некалендарного любовного гадания участницы пишут по кругу имена парней (на столе или на полу), а роль указателя играет веретено (вологод.) [Морозов, Слепцова 2004: 728] и т.д.

а только одно дерево» [Панченко 2006: 127]. Также сообщается, что гадающих должно быть нечетное количество (3–5 человек), в комнате не должно быть детей, обряд начинается с вызывания духа («кричали в трубу») [Панченко 2006: 126]. Рассказчица, 1929 г.р., вспоминает, как во время войны о судьбе своих мужей гадали женщины, бравшие с собой для количества незамужних девушек; в нарративе содержатся прямые указания на демоническое понимание природы того духа, который «приходит» под видом умершего-самоубийцы¹: «И вызывали... там, кто задавивши, или кто. <...> Чтобы... приходил этот чёрт. Говорил. <...> Ну, мы в деревне жили, мы знали кто повесивши, кто такой... такой умерши — вызывали. <...> Но это правильно бабам говорили, которой убит, которой где что. Которой говорит: “Я, — говорит, — сидел в байне, я тебя видел”. Ну он пугал их. Не... раз нечистая сила, дак она же пугает» [Панченко 2006: 126]. В драматичных условиях военного времени остается востребованной рекреативная функция гадания, связанная с возможностью эмоциональной разрядки. Об этом, в частности, свидетельствуют задаваемые духу вопросы с эротическим подтекстом (заведомо предполагающие ответ, который вызовет смех присутствующих): так, на вопрос «А с кем ты пойдешь сегодня спать?» дух отвечает рассказчице, что с ней² [Панченко 2006: 126].

В ранее приведенных записях информанты никак не объясняли причину движений стола. Однако из контекста русской (и шире — славянской) традиции известно, что, по народным представлениям, гадание осуществляется усилиями нечистой силы — бесов, чертей и т.п., на это же указывает и новгородский материал. Реже встречаются случаи, когда предсказание совершается умершим человеком: «Вот это тоже страшно, между прочим, но некоторые знали как. Вот, ну умершего вызывали, чтобы он там, ну, чтобы заказать, вот ты и скажешь: сколько там я лет проживу, или кто, какая судьба у меня, или что. И вот этот голос умершего я слыхала, да, отзывался как-то через трубу, через трубу что-то делали. Открывали вот там душники, вот эти заслонки, всё открывали <...>. Там тоже говорили слова, называли умершего, например: Василий Иваныч или кто, вот поговори с нами, скажи нам вот то-то и то-то — по порядку мы вопросы задавали... <...> Тут тоже надо знать,

¹ Для носителей традиции в эту категорию попадают и поэты, погибшие «не своей» смертью, такие как Пушкин и Маяковский: «А, вот как надо, што ну — кто или задавивши, или повесивши. “Вот, — г-овори>т, мы вызывали дух Маяковского. <...> И вот... до чево мы ему надоели, што он... нас на три буквы послал. <...> И блюдце прекратилось крутитцы. Потом, — г<овор>ит, — до чево хохотали!”» [Панченко 2006: 127].

² Конкретно в этом случае обещание духа напугало девушку, но, надо думать, все же развлекло других участниц гадания.

знать слова такие... Мне дак жутко было, <...> голос-то слышишь ведь, слышишь голос-то, может быть, не очень ясный, такой тухлый голос, но всё равно слышишь»¹ (каргопол.) [Знатки, ведуны и чернокнижники 2012: 253–254].

Именно с кругом подобных представлений может быть связано предписание выбирать для гадания стол без железных гвоздей. С одной стороны, особый способ изготовления характерен для многих предметов, которые затем используются в ритуальных целях². С другой — железный гвоздь (и вообще железо) в славянской традиции выступает как апотропей, защищающий от нечистой силы, болезней, «ходячих» мертвецов. Так, южные славяне вбивали гвоздь туда, где лежал умерший, или в порог дома, чтобы тот не возвращался и в семье не было новых смертей. На Украине после выноса покойника с этой же целью забивали под столом зуб от железной бороны. Ровно наоборот восточные и западные славяне поступали с вещами для умершего: из его обуви старались вынуть железные гвозди, гроб сколачивали деревянными гвоздями и т.д. [Толстой 1995: 493]. Можно предположить, что стол для гадания не должен содержать железных деталей, чтобы быть более доступным для воздействия существ из иного мира, будь то «нечистые» духи или души умерших. В то же время очевидно, что для предмета, используемого в ритуальных целях, «узаконивается» более архаичная технология изготовления, сохраняющаяся в крестьянском быту³.

Столоверчение в XIX в.

Материалы о крестьянском спиритизме XX — начала XXI в. могут быть дополнены более ранними примерами из художественной литературы, отражающими постепенное проникновение этой практики в народную среду. Сцена столоверчения изображена в произведении «Седьмая труба» Д.Н. Мамина-Сибиряка (1888, из цикла «Сибирские рассказы»). Привлечение этого источника представляется тем более оправданным, что за его автором закрепилась репутация знатока народной провинциальной жизни, точного бытописателя, социолога и этнографа от литературы (чем его талант, конечно, не исчерпывается).

¹ Не исключено, что и это редкое гадание появилось в народной традиции под влиянием городского спиритизма, однако утверждать это однозначно вряд ли возможно.

² Ср.: у словенцев считалось, что со дня св. Варвары до Рождества можно изготовить специальный столик без железных деталей, и тогда с его помощью можно распознать ведьму [Левкиевская 1999: 200].

³ «А столы-то старые без гвоздей и были. Дед у меня, Дейко Микит Иван, мастерил такие. Без гвоздей, вместо них использовали деревянные втулки. Отверстие сделают и втулку забивают на месте соединений» (записала С.Ю. Королёва от Кольчурина Николая Алексеевича, 1959 г.р., г. Кудымкар, 2017 г. [ЛА]).

Изображенное в рассказе гадание происходит на Святки в доме богатой старухи-старообрядки — в гостиной, обставленной «тяжелой старинной мебелью из цельного красного дерева». Добившись разрешения бабушки (полагавшей, что «столы вертеть грешно»), в ритуале участвуют ее внучка и внук с приятелями — горными инженерами и врачом: «Десять молодых рук соединились на лакированной поверхности небольшого столика с точеной ножкой. Лица были напряженно-серьезны, и все старались не смотреть друг на друга. А молодое, нетронутое веселье так и подымало всех <...>. Деревянный круглый столик действительно сделал нетерпеливое движение и легонько стукнул деревянной ножкой» [Мамин-Сибиряк 1958: 152—153]. Когда одна сторона стола начинает подниматься, ритуал прерывается появлением коровницы Афимьи с подошником и полотенцем, пришедшей получить благословение хозяйки перед дойкой коровы, бытовая сценка вызывает смех молодежи, и гадание приходится остановить.

Затею «бритоусов и табашников» осуждает старый начётчик, «слывущий за святого»: «Он [бес] его [стол] всегда поднимает и когтем еще поцарапает. <...> Табашники теперь везде через стол бесов вызывают, а он им когтем: цап!.. <...> Ох, великий и непоправимый грех: хлеб на столе едят, миленькая, и с молитвой едят... Помрешь, миленькая, куда тебя положат-то? Вот он тебя тогда со стола-то когтем и зацепит...» [Мамин-Сибиряк 1958: 159; курсив автора. — С.К., В.К.]. Устами героя-старообрядца выражено народно-религиозное отношение к столоверчению: подобное гадание оскверняет стол, а участие в «бесоугодной затее» передает человека во власть нечистой силы — позволяет после смерти «зацепить» душу, пока тело лежит на этом самом столе. Нельзя однозначно утверждать, что данная мотивация запрета была услышана писателем от староверов, а не додумана в процессе работы над рассказом, однако очевидно, что она вполне соответствует объяснительным моделям, характерным для традиционной, в том числе старообрядческой, культуры¹.

Между тем один из персонажей рассказа предлагает принципиально иное понимание столоверчения: упрашивая строгую хозяйку разрешить гадание, он полушутя-полусерьезно называет его «последним словом науки» [Мамин-Сибиряк 1958: 152].

¹ Ср.: в книжной традиции старообрядцев известен сюжет, когда стол «скачет» по воле беса, желающего запугать подвижника: «А егда еще я был попом, с первых времен, как к подвигу касатися стал, бес меня пуживал сице. <...> И егда на паперть пришел [ночью], столик до тово стоял, а егда аз пришел, бесовским действием скачет столик на месте своем. И я, не утравашь, помолясь пред образом, осенил рукою столик и, пришед, поставил ево, и перестал играть» [Житие протопопы Аввакума 1960: 119].

Здесь проявляется связь ритуала с тем кругом идей, которые повлияли на его формирование и распространение в XIX в. Гадание с помощью стола появляется в числе разнообразных спиритических техник, основанных на вере в возможность общения с душами умерших¹. Кроме собственно столоверчения, в арсенал спиритов входило автоматическое письмо, трансовые состояния, гипноз, сомнамбулизм, посредничество медиумов (людей, которым приписывалась высокая сенситивность и особая психическая энергия). Возникновение этой культурной практики, популярной в XIX в. на Западе и в России, тесно связано с некоторыми современными ей медицинскими теориями (прежде всего «магнетической» терапией Ф.А. Месмера). Характер западного спиритизма позволяет определить его как «позитивистский» вариант коммуникации с потусторонним миром, неслучайно его интерпретации «постоянно лавируют между “мистическими” и “рационалистическими” дискурсами» [Панченко 2005: 530; 2006: 113–114]².

Восприятие спиритических сеансов колебалось между двумя полюсами значений — от мистического откровения до научно-го эксперимента, результат которого может быть подтвержден или опровергнут. Об этом свидетельствуют, в частности, воспоминания тех, кто участвовал в ритуалах или общался со спиритами, — Л.Н. Павлищева, Н.В. Берга, А.Н. Бенуа, В.Я. Брюсова и др. Подобные источники позволяют составить представление о техниках столоверчения, круге типичных вопросов, а также о порожденных сеансами сюжетах «мистического фольклора» (И.Ю. Виницкий), имевшего хождение у горожан — представителей образованных сословий.

Способы столоверчения не были неизменными. В начале 1850-х гг. из Франции в Россию была завезена специальная планшетка — треугольный столик с двумя ножками и карандашом вместо третьей, писавший сообщения от духов при возложении на него рук [Виницкий 2009]. Столики продавались в магазинах канцелярских принадлежностей, такую планшетку купил «за четвертак <...> на Невском проспекте» племянник А.С. Пушкина для своей матери О.С. Павлищевой (любимым «собеседником» которой был дух покойного поэта) [Павлищев 1890: 74–75]. В 1853–1854 гг. на сеансах П.В. Нашокина каран-

¹ Спиритизм понимается исследователями как разновидность оккультизма — «прикладной» области эзотерических учений, включающей магические способы воздействия на мир и предполагающей соучастие сверхъестественных сил (подробнее о соотношении этих и других смежных понятий см. в работе: [Богомолов 2000: 6–7]).

² Ср. альтернативную концепцию, в рамках которой спиритизм понимается как «зеркало общественного сознания» 1850–1870-х гг., «собирающее», доводящее до логического предела и пародирующее утопические цели и практики эпохи: [Виницкий 2009].

даш прикрепляли либо к столику, либо к тарелке [Берг 1880: 615]. Приблизительно в те же годы в нижегородском кружке В.И. Даля в сеансах участвовала малограмотная девочка-медиум мещанского происхождения, а об ответе судили по стукам в столе, вокруг которого сидели спириты [Берг 1880: 613]. К этому варианту близок ритуал, описанный в стихотворении «Сеанс» антропософа и литератора Б.А. Лемана (публикованного в начале XX в. под псевдонимом Б. Дикс). Из текста следует, что сеансы проводились в темноте, при участии медиума, впадавшего в транс; важным условием было молчание присутствовавших и поддержание «магической цепи», которую они образовали соприкасающимися руками, сидя за круглым столом [Богомолов 2000: 378–379]. О смене моды на способ общения с духами упоминает художник А.Н. Бенуа: в 1884 г. в его окружении использовали столик с одной ножкой, а семь лет спустя предпочитали блюдо и бумагу с написанными на ней буквами [Бенуа 1980: 472–473].

О том, сколь бурно могли проходить сеансы в богемно-окультистских кругах, можно судить по записям В.Я. Брюсова 1892–1893 гг. (в дневнике и специальной тетради), для которого, как и для других символистов, были важны разные формы сверхчувственного познания¹: «Стол подымается, звонки звенят, вещи летят через всю комнату»; «Качания стола начались не сразу и усиливались постепенно. Прежде чем мы сдвинулись с первоначального положения, было что-то сброшено с камина. Тут же начались такие же прикосновения, как и в предыдущий сеанс (по рукам, по щеке, по волосам) <...>. Потом столик передвинулся к окнам, около которых на ломберном столе лежала запечатанная аспидная доска. Определенно было слышно писание по этой доске. <...> Столик передвинулся к рояли»; «В начале сеанса движения стола были очень порывистыми и быстрыми. Когда стол отодвинулся к окнам, он был перевернут вверх ножками и стал быстро раскачиваться; некоторые пытались его удержать, но это оказалось невозможным. Затем столик передвинулся к столу и к нам был брошен дверной ключ <...>. Между тем диван стучал ножкой и несколько раз ударялся о стену, как бы для выражения неудовольствия». Сам же В.Я. Брюсов, пользуясь темнотой, ласкал барышню, рядом с которой сидел (цит. по: [Богомолов 2000: 280–283]). Впрочем, не всё в его описаниях стоит принимать за чистую монету: он знал, что подобные «явления» по большей части результат шарлатанства, и сам иногда принимал

¹ Об этом, в частности, свидетельствует запись поэта в дневнике в 1900 г.: «В спиритических сеансах испытал я ощущение транса и ясновиденья. Я человек до такой степени “рассудочный”, что эти немногие мгновения, вырывающие меня из жизни, мне очень дороги» (цит. по: [Богомолов 2000: 37]).

участие в мистификациях ([Богомолов 2000: 285–289], про частое «обоюдное надувательство» во время сеансов писал и А.Н. Бенуа [Бенуа 1980: 472]).

От простонародных гаданий с помощью стола, какими они предстают в современных материалах, спиритические сеансы в образованных кругах XIX в. отличались не только техниками, но и набором вопросов, которые задавались духам. Хотя в обоих случаях цель гадания / пророчества — получить по-стороннее подтверждение своим чаяниям, сами заботы участников спиритических кружков часто выходили за рамки личных житейских интересов. Ф.И. Тютчев, по воспоминаниям его дочери, получал от «столов» доказательства о близком утверждении славянской империи со столицей в Константинополе [Виницкий 2009]. В кружке В.И. Даля выясняли имена и обстоятельства земной жизни приходивших к ним духов и находили документальные подтверждения этим данным [Берг 1880: 613]. Одним из самых популярных был вопрос к духу Пушкина о его загробной участи и посмертных желаниях [Виницкий 2005]. В праздных компаниях ценились «остроумие и глубина» получаемых ответов¹ [Бенуа 1980: 473]. Иногда «загробные» послания имели квазихудожественную форму, тогда они могли ходить в списках и даже печатались в журналах.

Одной из самых частых была просьба к духу дать материальное подтверждение своего существования. В.И. Даль рассказывал о том, как в ответ на подобную просьбу в ящике стола обнаружился янтарные четки (пропавшие у соседки), хотя прямо перед этим все убедились, что ящик пуст [Берг 1880: 614]. Иногда после таких «материализаций» люди навсегда отказывались от сеансов, что составляет популярный сюжет «мистического фольклора», обнаруживаемый в воспоминаниях спиритов. П.В. Нащокин оставил свое занятие после того, как ему обещал явиться дух Пушкина и на улице его толкнул «мужичок в нагольном полушубке», в котором тот узнал покойного поэта [Берг 1880: 615–616]. Князь Ф.Ф. Юсупов с братом бросили столоверчение, когда во время сеанса упала и разбилась находившаяся рядом мраморная статуя [Юсупов 2000: 98]. Знакомая А.Н. Бенуа отказывалась от сеансов дважды: сначала — когда в ответ на просьбу к духу сыграть что-нибудь на рояле в комнате раздались звуки клавиш (по ним ходил кот, хотя животных в доме не держали); окончательно она сделала это,

¹ А.Н. Бенуа сообщает и другие подробности о поведении духа, которого они с приятелями вызывали в «мужском» кружке: его «умные речи» внезапно сменялись «дикими шутками, а то и просто ругательствами» с «особой склонностью к порнографии» [Бенуа 1980: 473] (ср. с деревенскими сообщениями о матерящемся «духе Маяковского»).

когда дух велел участникам сесть перед камином, и из трубы «со страшным грохотом посыпались кирпичи» [Бенуа 1980: 472–473]. Сам художник бросил увлечение после того, как увидел «реакцию» духа на нарушение ритуала: однажды участники положили на бумагу с буквами маленькую медную иконку, которая тут же оказалась на полу в другом конце комнаты, а столик опрокинулся и сломался, как от удара [Бенуа 1980: 474]. (Примечательно, что если даже просьбы подтвердить свое присутствие и случались во время деревенского столоверчения, то ни они, ни другие эксперименты не находят отражения в крестьянских нарративах.)

В рассматриваемых источниках заметна вариативность объяснений, касающихся той «силы», которая вращает стол. П.В. Нащокин полагал, что за этим стоит Сатана и его «помощники» [Берг 1880: 616]. В 1870-х гг., упоминая спиритизм в юмористическом и ироническом контексте, Ф.М. Достоевский тоже называл столоверчение проделками чертей [Панченко 2006: 119–120]. Позднее, на рубеже XIX–XX вв., в оккультных кругах высказывались другие объяснения: Е.И. Рерих писала об опасности, которой подвергаются спириты-медиумы, позволяя «астральным сущностям проникать в свою ауру»; Е.П. Блаватская утверждала, что вызываемые духи — «не души человеческие», а «их тени астральные, которые должны уже сгинуть и пропасть когда-нибудь, как сгнули и пропали их физические тела»: «Бессмертный дух, Виктор Иванович, не придет стучать в стол, не облачится снова в материю, от которой только что спасся», но это делает астральное тело, желающее «пожить, поесть, попить да и того хуже — органами медиума» [Богомолов 2000: 293–294]. В отличие от самого ритуала столоверчения, связанные с ним оккультно-эзотерические объяснения практически не получили распространения в народной культуре.

В самых общих чертах может быть охарактеризована и динамика распространения интересующего нас ритуала. Первая «эпидемия столокружения» в 1853–1855 гг. охватила не только обе столицы, но и некоторые крупные города в различных частях страны: спиритические эксперименты проводились в Варшаве и Одессе, на Кавказе и в Сибири [Виницкий 2009]. Однако, по оценкам специалистов, вплоть до середины 1870-х гг. это увлечение не выходило за пределы дружеских и семейных спиритических кружков, участниками которых были представители образованных сословий. Лишь затем столоверчение становится массовой культурной практикой, постепенно превращаясь почти что в салонную игру. Оно сохраняет некоторую популярность в 1920–1930-х гг. и в более позднее время. Основными носителями традиции остаются средние слои городского

общества, но при этом она охватывает отдаленную провинцию и уходит в простонародную среду [Панченко 2006: 118–122].

Стучащий стол в контексте традиционных представлений и обрядов

Значительная часть спиритических техник (гипноз, сомнамбулизм, автоматическое письмо), кажется, осталась чуждой для крестьянской культуры, где их с успехом заменяют более традиционные способы коммуникации с иным миром: вещие сны, обмирания, кликушество и т.п. Редким исключением можно считать гадание с помощью гипноза — *усыпление, заусыпление*, которое описывает В.И. Смирнов: «Берут на шее жилы, сдавливают, кровь как будто перестает работать, человек засыпает и видит, о чем его просили увидеть. Сонные говорят то, о чем просили его»; «Заусыпленное лицо, которому предварительно делаются вопросы, отвечает на них и даже способно во сне видеть умерших и лиц на далеком расстоянии, переноситься в разные места. Сон этот сопровождается выкриками и некоторыми конвульсиями. Верят этому очень, но прибегать к такому гаданию считают за грех»¹ [Смирнов 1927: 28]. Описанная психофизиологическая техника имеет черты сходства со спиритической практикой гипноза и других трансовых состояний. Косвенно о ее позднем городском происхождении свидетельствует замечание публикатора, что это гадание получило распространение в деревнях одновременно со столоверчением.

В качестве причины, ограничивавшей популярность спиритических практик в русской деревне, А.А. Панченко называет отсутствие или существенную трансформацию тех фольклорных мотивов, которые послужили основанием для развития англо-американского спиритизма [Панченко 2006: 124]. Думается, свою роль мог сыграть и социальный фактор: так, «общение с духами» с помощью блюда и букв было невозможно без грамотности, а ее целенаправленное массовое распространение среди крестьян произошло в конце 1920-х — 1930-е гг. одновременно с запретом на религиозно-мистические формы культуры. В остальном вхождение спиритических ритуалов в крестьянскую ритуальную традицию определялось, по-видимому, возможностью их адаптации к нормам, представлениям и обрядовым практикам этой среды.

В русской традиционной культуре, действительно, были предпосылки к тому, чтобы стол начал использоваться для гадания по стуку его ножек. Обозначим некоторые из них.

¹ Упоминания о таких гаданиях в современных материалах обнаружить пока не удалось.

Как показывают этнографические материалы XX в., стол в избе имел статус сакрализованного объекта, своеобразного «домашнего алтаря» (чему способствовало и его расположение под иконами). С ним связывалась идея устойчивости, стабильности семьи и хозяйства, которая проявлялась, к примеру, в запрете на то, чтобы стол без причины сдвигали с его места: «Вот если он стоит вот так, так его и не шевели, пусть он так и стоит. Не поворачивай» (каргопол.) [Мороз 2008: 39]. Перемещения и другие манипуляции были неслучайны, часто они носили ритуально-магический характер: после выноса гроба с умершим стол, на котором он стоял, переворачивали вверх ногами; то же самое делали, чтобы найти пропавшего человека или скотину; при задержке гостей стол намеренно шатали, чтоб те скорее пришли, и т.д. [Мороз 2008: 37–38].

Повсеместная обязательная практика домашних поминальных застолий превращала стол в место общения семьи с умершими родственниками [Мороз 2008: 36; Топорков 2012: 167–168; Кабакова 2015: 224–227]. Семиотически значимым было и пространство под столом: в Пермском крае сюда ставили поминальную еду для «скоропостижно умерших, утонувших, сгоревших, которые недостойны сидеть за общим столом»; у белорусов под стол бросали кусочки поминальной еды и не поднимали то, что упало случайно, — это предназначалось «душам-сиротам, которых некому помянуть» [Топорков 2012: 168] (ср.: у русских Архангельской области считалось, что упавший со стола кусок «отдан бесу» [Мороз 2008: 41]). Очевидная связь стола с членами семьи, как живыми, так и умершими, проявляется в представлениях о том, что самопроизвольно издаваемые этим предметом звуки, например треск, могут предвещать смерть хозяина или других родственников: «А вот зашшелкát только прямо вот. Чик! — только вот. Вот чё-ко как отломица, лучинка ли как ли. Счíкат только, счикат, но. Он, говорят, предвешшает, што к покойнику. <...> Дак люди-те говорят, што ножом тожно ево даже тычут. (Это как?) Столешенку-ту, столешенку-ту. <...> Штобы не трещал. <...> Да у нас вот трещал даже. Хозяину умереть...»¹ [ФА ЛКиВА]. Считалось также, что, если стол «крячит», — это «родители просят панихиды» (новгород.) [Зеленин 1905: 11]. Кроме поминок, разрешалось использование стола и в некоторых других обрядовых действиях, в частности святочных гаданиях².

¹ Записали С.Ю. Королёва, Е.М. Четина, И.И. Русинова, Ю.А. Шкураток от Татьяны Петровны Никитиной, 1939 г.р., д. Мухоморка Юрлинского района, 2016 г.

² В связи с нашей темой особый интерес представляет связь традиционных народных гаданий с душами умерших, проявляющаяся на русском материале достаточно слабо; тем ценнее случаи, дающие повод увидеть (или реконструировать) наличие подобной связи. В Костромской области одним из «застольных» святочных гаданий был ритуал с исполнением подблюдных песен — *илия*

Учитывая, что спиритическое общение с духом происходило с помощью ударов ножек стола об пол, можно вспомнить и о том, что сам по себе стук как разновидность звука наделялся в крестьянской мифоритуальной традиции особым значением. В гаданиях он мог предвещать скорую смерть. Также с помощью стука заявляли о своем присутствии домашние духи — домовый, кикимора и др. [Виноградова 1999а: 312–314; 1999б: 181–184]. В пермской быличке домовый шумит перед тем, как околела хозяйская лошадь: «Стучал кто-то долго ночью в дому, нам спать не давал. Колотил и колотил всю ночь. Утром мама <...> говорит: “Батюшко милостивый, какое ты нам горе принес?” <...> Он еще три раза постучал» [Былички и бывальщины 1991: 100–101].

Обращает на себя внимание близкое сходство некоторых мифологических рассказов об общении с духами и гадании с помощью стола. Так, в Нерчинском районе Читинской области записан подробный меморат о том, как местная кикимора с помощью стука отвечала на вопросы людей, играла мелодию на деревянных половицах, разговорами с ней хозяева развлекали своих гостей: «“Сколько чужестранных, из чужой деревни-то, здесь?” Стукнет — точно! “А сколько наших?” — То же само. А дядя Вася, папкин-то свояк, чудной был: “Но, ты бы хоть взыграла “краковяк” или “коробочку”. <...> “Располным-полна коробочка...” — выигрывала, стуком на половицах-то. Играт и всё» [Мифологические рассказы 1987: 92]. Чтобы подразнить кикимору, ей специально задавали вопросы, на которые трудно ответить: «“Кто тебя напустил, стукни. Китаец?” — Нет. “Кто? Кореец?” — Нет. “Цыган?” — Нет. “Русской?” — Нет. “Кто запустил? Не китаец, не кореец, а смесь?” — Стукнет, давай щелкать. <...> А мать-то у него русская была, он то ли от корейца, то ли от китайца» [Мифологические рассказы 1987: 93]¹.

Таким образом, спиритическое общение с духами при помощи «стучащего» стола могло восприниматься крестьянами в одном ряду с другими знакомыми им явлениями. Частичное морфологическое и функциональное совпадение новой / чужой ритуальной техники с языком собственной мифоритуальной

(типичное для этого обряда название дано по песенному возгласу-рефрену). Иногда ритуал происходил с 13 на 14 января — в день, считающийся в некоторых деревнях поминальным. Вечером в каждом доме накрывался поминальный стол, а после трапезы собирались на гадание: «[3]то поминают усопших вот, ихний праздник. У кого что есть в дому, кто богат чем, все наготовляют самолучшую закуску. Вечером собирают, значит, на стол вот, поминают родителей, а потом, значит, собираются в одной избе и вот поют “илию”» [Морозов, Слепцова 2008: 720].

¹ Также к типичным проделкам кикиморы относится способность сдвигать со своего места предметы: «Вот, <...> лягем спать вечером — то табуретки запляшат, <...> то столы запляшат» [Мифологические рассказы 1987: 90–91]. В Вятском крае рассказывали, что, когда семья садится за трапезу, живущая в избе кикимора бросает обувь — как раз на обеденный стол [Вятский фольклор 1996: 20–21, № 43–45].

традиции способствовало ее включению в арсенал «своих» обрядово-магических действий. Показательно, что в процессе адаптации утрачиваются те элементы спиритизма, которые не имели близких аналогов в крестьянской культуре: автоматическое письмо, вхождение в транс, сомнамбулизм и др. Оказывается чуждой и фигура медиума, на смену ему приходит традиционный распорядитель обряда, магический специалист, который следит за правильным ходом ритуала и выполняет часть магических действий. В роли такого специалиста может выступать владетель стола или опытный участник обряда. Действия, которые он совершает (открытие дымохода, произнесение специальных заговорно-заклинательных текстов), имеют аналоги в других окказиональных ритуалах.

Если одним из немногих правил спиритического сеанса был запрет на смех, то крестьянское столоверчение регламентируется в большей мере: предписания могут касаться участников и их числа (запрет на присутствие пьяных, рыжеволосых; четное — нечетное количество), формы стола (круглый — прямоугольный), способа изготовления (без лака, железных деталей). Вместо стола может использоваться деревянная скамейка. Сам спиритический ритуал столоверчения из общения с духом превращается в достаточно традиционное гадание, которое закономерно может приурочиваться к Святкам (или к старому Новому году, в советское время как бы воплощавшему весь святочный период в нерелигиозном его варианте). Крестьянские рассказы о столоверчении выстраиваются по традиционным сюжетным схемам фольклорной мифологической прозы, что дает основание рассматривать их в ряду других аналогичных текстов (о сбывшихся гаданиях, наказании за нарушение запрета и т.п.). Можно говорить, по-видимому, и о возникновении народной терминологии для обозначения обряда: *столом гадать* (вят., арханг.), *гадать на стол*, *стол разогреть* (ростов.); *стол поднимается* (костром.), *ходит* (костром., перм.), *крутится* (арханг.).

Причина движений стола в крестьянских нарративах обычно не вербализуется (в отличие от спиритических сеансов, где она объяснялась воздействием душ умерших, нечистой силы и т.п.). Функции ритуала тоже трансформируются. Процесс мистической коммуникации в городской культуре имел своего рода познавательную направленность и был нацелен на получение различной «трансцендентной» информации. В крестьянской культуре с помощью столоверчения тоже получают «потусторонние» знания, но круг вопросов сужается и совпадает с тем, что старались выяснить с помощью традиционных гаданий (время замужества, количество детей, продолжительность жизни и т.п.). Показательно, что в кризисных ситуациях

к помощи стола обращаются даже те, кто обычно не гадают; в воспоминаниях о военном времени на первый план выходит социально-терапевтическая функция этого ритуала. Другая тенденция связана с усилением развлекательно-смехового начала, вообще характерного для народных коллективных святочных гаданий.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ и Министерства образования и науки Пермского края, проект № 17-14-59009 («Фольклорная несказочная проза Северного Прикамья: универсальное, региональное, локальное (на материале записей второй половины XX — начала XXI в.)»).

Список сокращений

АЛФ РГГУ — архив лаборатории фольклористики Российского государственного гуманитарного университета

КГПИ — Кировский государственный педагогический институт

КОКМ — Кировский областной краеведческий музей

ЛА — личный архив С.Ю. Королёвой

ОСВГ — Областной словарь вятских говоров

ПМ ДЭЭ РГУ — полевые материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций Ростовского государственного университета

СРНГ — Словарь русских народных говоров

ФА ЛКиВА ПГНИУ — фольклорный архив лаборатории культурной и визуальной антропологии Пермского государственного национального исследовательского университета

Архивные материалы

АЛФ РГГУ. Полевые материалы экспедиции в Каргопольский р-н, 2001 г.

КОКМ. Фольклорный фонд И.А. Мохирева. Папка 17: Обряды. Гадание столом. [Без года].

КОКМ. Фольклорный фонд И.А. Мохирева. Папка 24. Письмо К.С. Пономарёва к И.А. Мохиреву. 1957 г.

ПМ ДЭЭ РГУ. Сурувикинский р-н Волгоградской обл., 1993 г.; Азовский р-н Ростовской обл., 2003 г.

ФА ЛКиВА ПГНИУ. Полевые материалы экспедиций в Кудымкарский р-н, 2002 г.; Юрлинский р-н, 2015 и 2016 гг.

Источники

Артеев А. Вещий стол // Республика. 2011, 14 янв. № 3 (4400). <<http://www.gazeta-respublika.ru/article.php/34389>>.

Бенуа А. Мои воспоминания: В 5 кн. М.: Наука, 1980. Кн. 1–3. 712 с.

- Берг Н.В.* В.И. Даль и П.В. Нащокин // Русская старина. 1880. Т. 28. Вып. 5–8. С. 613–616.
- Джавриян Г.* Чудо-стол предсказал будущее туристам // Красное знамя Севера. 2014, 7 июля. <<http://www.kzsrk.ru/news/5015/>>.
- Евстифеева Н.* Руки на стол! // Трибуна. 2010, 27 фев. <<http://ufokomi.narod.ru/trstol.htm>>.
- Житие протопопа Аввакума, им самим написанное // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М.: Гослитиздат, 1960. С. 53–122.
- Мамин-Сибиряк Д.Н.* Седьмая труба // Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч.: В 10 т. М.: Правда, 1958. Т. 6. С. 357–383.
- Областной словарь вятских говоров / Сост. З.В. Сметанина, В.В. Подрушняк. Киров: ВятГГУ, 2012. Вып. 7: О–П. 270 с.
- Павлицев Л.* Из семейной хроники. Воспоминания об А.С. Пушкине. М.: Университетская тип., 1890. 446 с.
- Словарь русских народных говоров / Глав. ред. Ф.П. Сороколетов. Л.: Наука, 1991. Вып. 26: Первее — Печетник. 351 с.
- Юсупов Ф.* Мемуары. М.: Захаров, 2000. 430 с.

Библиография

- Адоньева С.Б.* Дух Пушкина // Адоньева С.Б. Категория ненастоящего времени (антропологические очерки). СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. С. 63–76.
- Байбурин А.К., Топорков А.Л.* У истоков этикета: Этнографические очерки. Л.: Наука, 1990. 167 с.
- Бахматов А.А., Голева Т.Г., Подюков И.А., Черных А.В. и др.* Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор: Материалы и исследования. Пермь: ОТ и ДО, 2008. 502 с.
- Богомолов Н.А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. М.: НЛЮ, 2000. 560 с.
- Былички и бывальщины: Старозаветные рассказы, записанные в Прикамье / Сост. К.Э. Шумов. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1991. 410 с.
- Виницкий И.Ю.* Общество мертвых поэтов: спиритическая поэзия как культурный феномен второй половины XIX века // Новое литературное обозрение. 2005. № 71. <<http://magazines.russ.ru/nlo/2005/71/vini7.html>>.
- Виницкий И.Ю.* Душа в «закрытом» обществе: эпидемия столоверчения в России 1853–1855 годов // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. С. 734–745. <<http://www.nlobooks.ru/sites/default/files/old/nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/1641/1684/index.html>>.
- Виноградова Л.Н.* Гадания по звукам // Толстая С.М. (ред.). Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян: Сб. ст. М.: Индрик, 1999а. С. 311–319.
- Виноградова Л.Н.* Звуковой портрет нечистой силы // Толстая С.М. (ред.). Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в тра-

- диционной культуре славян: Сб. ст. М.: Индрик, 1999б. С. 179–199.
- Вятские песни, сказки, легенды: произведения народного творчества Кировской области, собранные в 1953–1973 гг. / Сост., авт. предисл., историограф. обзора и примеч. И.А. Мохирев, С.Л. Браз. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1974. 216 с.
- Вятский фольклор: мифология / Сост., вступ. ст., коммент. А.А. Ивановой. Котельнич: Вятск. рег. центр рус. культуры, 1996. 119 с.
- Зеленин Д.К.* Из быта и поэзии крестьян Новгородской губернии (По материалам из бумаг В.А. Воскресенского) // Живая старина. 1905. Вып. 1–2. С. 1–56.
- Знатки, ведуньи и чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере / Под ред. А.Б. Мороза. М.: Форум; Неолит, 2012. 592 с.
- Ипполитова А.Б., Топорков А.Л.* «Прожила как в мельничном колесе, вот такую жись»: Записи мифологической и биографической прозы из с. Тихманьга // О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI вв.: к изучению биографического и религиозного нарратива: Сб. ст. / Под ред. Е.Б. Смилянковой. М.: Индрик, 2012. С. 261–326.
- Кабакова Г.И.* Русские традиции застолья и гостеприимства. М.: Форум; Неолит, 2015. 464 с.
- Королёва С.Ю.* Народные поминальные молитвы коми-пермяков и мифоритуальный контекст их бытования // Черных А.В., Лобанова А.С. (ред.). Коми-пермяцкий этнографический сборник. СПб.: Маматов, 2014. С. 155–162. (Труды Ин-та языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа, 10).
- Левкиевская Е.Е.* Железо // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2: Д–К. С. 198–201.
- Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск: Наука, 1987. 401 с.
- Мороз А.Б.* Стол в севернорусских поверьях и обрядах // Костина А.В., Миронихина Л.Ф. (сост.). Традиционное русское застолье: Сб. ст. М.: ГРЦРФ, 2008. С. 36–43.
- Морозов И.А., Слепцова И.С.* Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.). М.: Индрик, 2004. 920 с.
- Мохирев И., Харьков В., Браз С.* Народные песни Кировской области. М.: Музыка, 1966. 349 с.
- Панченко А.А.* Спиритизм и русская литература: Из истории социальной терапии // Труды Отд. ист.-филол. наук РАН. М.: Наука, 2005. С. 529–540.
- Панченко А.А.* Русский спиритизм: культурная практика и литературная репрезентация // Богданова К., Мурашова Ю., Николюки Р. (ред.). Русская литература и медицина: тело, предписания, социальная практика: Сб. ст. М.: Новое издательство, 2006. С. 113–134.

- Смирнов В.* Народные гаданья Костромского края. (Очерк и тексты) // Четвертый этнографический сборник. Кострома: Красный печатник, 1927. С. 17–91. (Труды Костромского научного общества по изучению местного края, 41).
- Соловьёва А.А.* Детские «вызывания» в Пудожском районе // Этнологическая экспедиция Центра им. М. Блока РГГУ. Экспедиции 2003–2005. <<http://cmb.rsuh.ru/article.html?id=66578>>.
- Станюкович Т.В.* Внутренняя планировка, отделка и меблировка крестьянского жилища // Александров В.А., Кушнер П.И., Рабинович М.Г. (ред.). Русские. Историко-этнографический атлас. М.: Наука, 1970. С. 61–88.
- Толстой Н.И.* Гвоздь // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1: А–Г. С. 493–494.
- Топорков А.Л.* Пиковая дама в детском фольклоре // Белоусов А.Ф. (сост.). Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов: Сб. ст. М.: Ладомир; АСТ, 1998. С. 15–55.
- Топорков А.Л.* Стол // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5: С–Я. С. 165–170.
- Энциклопедия земли Вятской в 10 т. Т. 6: Знатные люди (Биографический словарь) / Сост. С.П. Кокурина; ред. В.Д. Сергеев. Киров: Вятка, 1996. 538 с.

Folk Table-Lifting (Urban Rite in a Peasant Community)

Svetlana Korolyova

Perm State University
15 Bukirev Str., Perm, Russia
petel@yandex.ru;

Vladimir Korshunkov

Vyatka State University
36 Moskovskaya Str., Kirov, Russia
vla_kor@mail.ru

The article investigates urban spiritualistic practices in peasant communities. The main data is from archival and field research materials of the 20th – early 21st centuries describing spiritism. One of the rituals is communication with spirits using a table (table-lifting, spirit-rapping) that emerged in folk culture as fortune-telling. An analysis leads to the conclusion that there were some mechanisms of folklorization of the urban spiritualistic rite.

The figure of the medium is replaced by a village “stolovjort” (table-lifting man), recognized by the peasants as one of the “magical specialists”. The objects typical for the traditional divination became part of the rite, and the ritual participants say special spell words. Form and manner of making the table, the number of participants, and the time of the rite are regulated in the village more strictly than in urban spiritual groups. The list of questions asked by peasants is more limited, while the entertaining function typical for collective holy fortune-telling may be intensified. Peasants also use special terms to denote the table-lifting. The narratives about this rite are formed according to the plot schemes of folklore mythological stories (about fulfilled divination, punishment for breaking prohibition, etc.). Peasant memories of participation in such fortune-telling were recorded in the Komi Republic, Perm, Vyatka, Arkhangelsk, Kostroma, and Rostov regions. Apparently, the penetration of spiritual rituals into the local folk tradition is determined by their ability to adapt to the norms, concepts and ritual practices to new socio-cultural environment.

Keywords: spiritualism, table-lifting, Christmas-tides, fortune telling, Russian mythoritual tradition.

Acknowledgements

The article is supported by grant of RFBR and the Ministry of education and science of Perm Krai, project no. 17-14-59009 (“Folklore oral stories of Northern Prikamye: universal, regional, local (based on the texts of the second half of 20th — beginning of 21st centuries)”).

References

- Adonievа S. B., ‘Dukh Pushkina’ [Pushkin’s Spirit], Adonievа S. B., *Kategoriya nenastoyashchego vremeni (antropologicheskie ocherki)* [The Category of Non-Present Simple Tense (Anthropological Essays)]. St Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2001, pp. 63–76. (In Russian).
- Baiburin A. K., Toporkov A. L., *U istokov etiketa: Etnograficheskie ocherki* [At the Origins of Etiquette: Ethnographic Essays]. Leningrad: Nauka, 1990, 167 pp. (In Russian).
- Bakhmatov A. A., Goleva T. G., Podiukov I. A., Chernykh A. V., *Russkie v Komi-Permyatskom okruge: obryadnost i folklor* [The Russians in Komi-Permian Area: The Rituals and the Folklore]. Perm: OT i DO, 2008, 502 pp. (In Russian).
- Bogomolov N. A., *Russkaya literatura nachala XX veka i okkultizm* [Russian Literature of the Early 20th Century and Occultism]. Moscow: NLO, 2000, 560 pp. (In Russian).
- Ippolitova A. B., Toporkov A. L., “Prozhila kak v melnichnom kolese, vot taku zhis”: Zapisi mifologicheskoy i biograficheskoy prozy iz s. Tikhmanga’ [“Lived as in a Mill Wheel, That’s How Life Is”: Records of

- Mythological and Biographical Prose from Tikhmanga Village], Smilianskaya E. B. (ed.), *O svoey zemle, svoey vere, nastoyashchem i perezhitom v Rossii XX–XXI vv.: K izucheniyu biograficheskogo i religioznogo narrativa* [About the Land, the Belief, the Present and the Experience in Russia 20th–21st Centuries]: A collection of articles. Moscow: Indrik, 2012, pp. 261–326. (In Russian).
- Ivanova A. A. (comp.), *Vyatskiy folklor: Mifologiya* [Vyatka Folklore: Mythology]: A Collection of Folklore Texts. Kotelnich: Vyatka Regional Center of Russian Culture, 1996, 119 pp. (In Russian).
- Kabakova G. I., *Russkie traditsii zastolya i gostepriimstva* [Russian Traditions of Feast and Hospitality]. Moscow: Forum; Neolit, 2015, 464 pp. (In Russian).
- Kokourina S. P. (comp.), Sergeev V. D. (ed.), *Entsiklopediya zemli Vyatskoy* [An Encyclopedia of Vyatka Land]. Kirov: Vyatka, 1996, vol. 6, 538 pp. (In Russian).
- Korolyova S. Yu., ‘Narodnye pominalnye molitvy komi-permyakov i miforitualnyy kontekst ikh bytovaniya’ [Komi-Permian Folklorized Funeral Prayers and Mythoritual Context They Function at], Chernykh A. V., Lobanova A. S. (eds.), *Komi-permyatskiy etnograficheskiy sbornik* [Komi-Permian Ethnographic Collection]: A collection of articles. St Petersburg: Mamatov, 2014, pp. 155–162. (In Russian).
- Levkievskaya E. E., ‘Zhelezo’ [An Iron], Tolstoy N. I. (ed.), *Slavyanskie drevnosti* [Slavic Antiquities]: Ethnolinguistic dictionary. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999, vol. 2, pp. 198–201. (In Russian).
- Mokhirev I. A., Braz S. L. (comps.), *Vyatskie pesni, skazki, legendy* [Vyatka Songs, Fairy Tales, Legends]: A collection of folklore texts. Gorky: Volgo-Vyatskoe knizhnoe izdatelstvo, 1974, 216 pp. (In Russian).
- Mokhirev I. A., Kharkov V. I., Braz S. L., *Narodnye pesni Kirovskoy oblasti* [Folk Songs of Kirov Region]. Moscow: Muzyka, 1966, 349 pp. (In Russian).
- Moroz A. B., ‘Stol v severnorusskikh poveriyakh i obryadakh’ [The Table in Beliefs and Rites of the Russian North], Kostina A. V., Mironikhina L. F. (comps.), *Traditsionnoe russkoe zastolye* [The Traditional Russian Feast]: A collection of articles. Moscow: GRCRF, 2008, pp. 36–43. (In Russian).
- Moroz A. B. (ed.), *Znatki, veduny i chernoknizhniki: Koldovstvo i bytovaya magiya na Russkom Severe* [The Magicians, Seers and Warlocks: Witchcraft and Everyday Magic in the Russian North]: A collection of folklore texts. Moscow: Forum; Neolit, 2012, 592 pp. (In Russian).
- Morozov I. A., Sleptsova I. S., *Krug igry. Prazdnik i igra v zhizni severnorusskogo krestyanina (XIX–XX vv.)* [A Circle of the Game. Holiday, Play and Game in the Life of a North-Russian Peasant (19–20th Centuries)]. Moscow: Indrik, 2004, 920 pp. (In Russian).
- Panchenko A. A., ‘Spiritizm i russkaya literatura: Iz istorii sotsialnoy terapii’ [Spiritism and Russian Literature: From the History of Social Therapy], *Trudy Otdeleniya Istoriko-Philologicheskikh nauk RAN* [Scientific Works of the Historical and Philological Department

- of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Nauka, 2005, pp. 529–540. (In Russian).
- Panchenko A. A., ‘Russkiy spiritizm: Kulturnaya praktika i literaturnaya reprezentatsiya’ [Russian Spiritism: Cultural Practice and Literary Representation], Bogdanov K., Murashov Yu., Nikolozhi R. (eds.), *Russkaya literatura i meditsina: Telo, predpisaniya, sotsialnaya praktika* [Russian Literature and Medicine: Body, Prescriptions, Social Practice]: A collection of articles. Moscow: Novoe izdatelstvo, 2006, pp. 113–134. (In Russian).
- Shumov K. E. (comp.), *Bylichki i byvalshchiny: Starozavetnye rasskazy, zapisannye v Prikamye* [Mythological Oral Stories: The Traditional Folklore Narratives Recorded in Kama Region]. Perm: Permskoe knizhnoe izdatelstvo, 1991, 410 pp. (In Russian).
- Smirnov V. I., ‘Narodnye gadanya Kostromskogo kraya’ [Folk Fortune-Telling of Kostroma Region], *Chevertyy etnograficheskiy sbornik* (Trudy Kostromskogo nauchnogo obshchestva po izucheniyu rod-nogo kraia) [4th Ethnographic Collection (Scientific Works of Kostroma Scientific Society for the Study of Local Territory)]. Kostroma: Krasny pechatnik, 1927, vol. 41, pp. 17–91. (In Russian).
- Soloviova A. A., ‘Detskie “vyzyvaniya” v Pudozhskom rayone’ [Children’s “Call” in Pudoga Area]. <<http://cmb.rsuh.ru/article.html?id=66578>>. (In Russian).
- Stanyukovich T. V., ‘Vnutrennyaya planirovka, otdelka i meblirovka kre-styanskogo zhilishcha’ [Internal Layout, Decoration and Furniture of Peasant Dwellings], Aleksandrov V. A., Kushner P. I., Rabinovich M. G. (eds.), *Russkie* [The Russians]: Historical and Ethno-graphic Atlas. Moscow: Nauka, 1970, pp. 61–88. (In Russian).
- Tolstoy N. I., ‘Gvozd’ [The Nail], Tolstoy N. I. (ed.), *Slavyanskije drevnosti* [Slavic Antiquities]: Ethnolinguistic dictionary. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1995, vol. 1, pp. 493–494. (In Russian).
- Toporkov A. L., ‘Pikovaya dama v detskom folklore’ [The Queen of Spades in Children’s Folklore], Belousov A. F. (comp.), *Russkiy shkolnyy folklor. Ot “vyzyvaniy” Pikovoy damy do semeynykh rasskazov* [Russian School Folklore. From the “Summoning” of the Queen of Spades to Family Stories]: A collection of articles. Moscow: Ladomir; AST, 1998, pp. 15–55. (In Russian).
- Toporkov A. L., ‘Stol’ [The Table], Tolstoy N. I. (ed.), *Slavyanskije drevnosti* [Slavic Antiquities]: Ethnolinguistic dictionary. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2011, vol. 5, pp. 165–170. (In Russian).
- Vinitskiy I. Yu., ‘Obshchestvo mertvykh poetov: Spiriticheskaya poeziya kak kulturnyy fenomen vtoroy poloviny XIX veka’ [Dead Poets Society: Spiritual Poetry as a Cultural Phenomenon of the Second Half of the 19th Century], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2005, no. 71. <<http://magazines.russ.ru/nlo/2005/71/vini7.html>>. (In Russian).
- Vinitskiy I. Yu., ‘Dusha v “zakrytom” obshchestve: Epidemiya stolovercheniya v Rossii 1853–1855 godov’ [The Soul in a “Closed” Society: The Epidemic of the Table-Lifting in Russia in 1853–1855], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2009, no. 100, pp. 734–745. (In Russian).

- Vinogradova L. N., ‘Gadaniya po zvukam’ [The Divination by the Sounds], Tolstaya S. M. (ed.), *Mir zvuchashchiy i molchashchiy. Semiotika zvuka i rechi v traditsionnoy kulture slavyan* [Sounding and Silent World. Semiotics of Sound and Speaking in the Traditional Culture of the Slavs]: A collection of articles. Moscow: Indrik, 1999, pp. 311–319. (In Russian).
- Vinogradova L. N., ‘Zvukovoy portret nechistoy sily’ [The Sound “Portrait” of Evil Spirits], Tolstaya S. M. (ed.), *Mir zvuchashchiy i molchashchiy. Semiotika zvuka i rechi v traditsionnoy kulture slavyan* [Sounding and Silent World. Semiotics of Sound and Speaking in the Traditional Culture of the Slavs]: A collection of articles. Moscow: Indrik, 1999, pp. 179–199. (In Russian).
- Zelenin D. K., ‘Iz byta i poezii krestyan Novgorodskoy gubernii’ [From Everyday Life and Poetry of the Peasants of Novgorod Province], *Zhivaja starina*, 1905, vol. 1–2, pp. 1–56. (In Russian).
- Zinoviev V. P. (comp.), *Mifologicheskie rasskazy russkogo naseleniya Vostochnoy Sibiri* [Mythological Oral Stories of the Russians in Eastern Siberia]: A collection of folklore texts. Novosibirsk: Nauka, 1987, 401 pp. (In Russian).